

5. Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. – 204 с.
6. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 172 с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Александра Суперанская (Москва)

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ономастическое пространство – это совокупность имён собственных всех типов, употребляемых данным народом в определённое время на известной территории. Мы можем их не замечать, не обращать на них внимания, но они незримо присутствуют в языке и речи, образуя свои системы и подсистемы или оставаясь внесистемными вкраплениями, и, независимо от нашего желания, оказывают влияние друг на друга и на слова общей лексики.

Высказывались сомнения в целесообразности введения понятия **ономастическое пространство**. Если это совокупность имён, то это **ономастикон**. Но совокупности могут быть разными.

Как известно, имя собственное становится понятным и доступным, если употребляющие его люди знают, кого или что оно обозначает. Следовательно, изучая имена, можно идти от слов к именуемым объектам или, наоборот, от объектов к обозначающим их словам, и результаты будут разными.

Если идти от слов к именуемым объектам, исходным окажется **словесный контекст**. Основное внимание исследователя сосредоточится на строении имён (словообразовательные типы, модели, аффиксы), на их использовании (омонимичные или идентичные названия для именования объектов разных типов), на их отношениях (производящие – производные) и т.д. Все эти аспекты характеризуют **ономастикон**.

Если идти от именуемых объектов к словам (именам), основу исследования составит **контекст вещей** (термин А.А. Реформатского), расположенных в пространстве. Внимание исследователя привлечёт специфика моделей, используемых для именования объектов отдельных типов, языковое окружение (или соседство) имён определенных типов, отражение в языке отношений объектов друг к другу, первичность или непервичность онимов отдельных типов. Это – изучение **ономастического пространства**.

Слова находятся в языке и вместе с ним сосредоточены в нашем сознании. Именуемые объекты располагаются на земном шаре и за его пределами. Они находятся на разных расстояниях друг от друга и от людей, их называющих. В поле зрения каждого человека попадают разные объекты, которыми он может интересоваться (или нет). Таким образом, имена, казалось бы естественно и однозначно входящие в **ономастикон**, оказываются в неодинаковой мере известными разным людям, говорящим на одном и том же языке.

Термин **пространство** удобен как дающий объёмную картину того, к чему он прилагается. Это может быть **жизненное пространство**, на котором сосредоточены все обитающие там существа в их соотношении и взаимодействии друг с другом. Это может быть **архитектурное пространство**, включающее соотношение ландшафтов, построек и линии горизонта на определенной территории. Это может быть **культурное пространство** – регион, в котором представлена определенная культура в чистом виде или с вкраплениями иной культуры. Это может быть **научное пространство** – одна или несколько стран, в которых научные исследования ведутся в едином русле по согласующимся друг с другом программам. Это – то, что было у нас в ономастике до 1990 г. и что сейчас, к сожалению, утеряно.

Занимаясь ономастическим пространством, мы исходим из комплекса именуемых объектов, неравномерно распределенных в окружающем нас жизненном пространстве. Ономастическое пространство меняется от района к району, от области к области, в зависимости от характера их заселения, от специфики занятий их жителей и от природных особенностей, составляющих естественную основу для образования поселений. Но в разных местах распространения одного и того же языка оно может существенно отличаться. Например, для сельского жителя важную роль играют небесные светила, детали рельефа и соответствующие им ландшафты, водные источники, домашние животные и слова, обозначающие всё это. Горожанин редко видит небо, ландшафт для него закрыт асфальтом, вода приходит из водопровода, держать в городе животных запрещено. Его ономастическое пространство заполнено названиями улиц, домов, учреждений, магазинов, машин.

Общими для ономастикона городского и сельского жителя остаются имена людей, близких и далёких, системы этих имён, названия общеизвестных географических объектов. За последние годы ономастическое пространство активно насыщается товарными знаками, названиями фирм, программ (радио, телевизионных, компьютерных), которые становятся хорошо известными многим людям, не входя однако в их национальный язык и ономастикон. Подобные названия в языковом отношении тяготеют к международному фонду, тем не менее, они проникают в ономастическое пространство данного народа. Отдельные национальные и международные ономастические системы могут существовать параллельно, оказывая некоторое влияние друг на друга.

Ономастическое пространство меняется от эпохи к эпохе и от народа к народу за счёт включения (или исключения из него) обозначений не только отдельных предметов, но и целых категорий ономастизируемых объектов. Собственное имя может иметь почти любой реально существующий или вымышленный объект, если человек его специально для каких-либо целей выделяет. Цели эти в зависимости от эпохи могут быть очень разными.

Как отмечает В.Н.Топоров (1969, 33), в Древней Индии (пали) состав имён был шире, чем у нас. Помимо общих с нашим временем именуемых объектов, к ним принадлежали и названия кустов, деревьев, и строчек и отделов рукописей. Некогда **топономастическое пространство** (термин В.Н.Топорова) было едино, без деления на мифологическую и немифологическую сферы. В объём топономастического пространства включались географические объекты (искусственные и естественные), сооружения, украшения, оружие, музыкальные инструменты, дни, месяцы, эпохи, праздники, церемонии, тексты, жанры, доктрины, названия, относящиеся к объектам, понимаемым как индивидуальные личности, названия титулов, прозвища и т.д. в плане настоящего, будущего, прошлого.

Картина мира христианина XVI – XVII вв. отразилась в переводной рукописной «Козмографии», в которой говорится, что после Всемирного потопа сыновья Ноевы разделили всю землю на три части. В книге показаны пространственные и этнические соотношения стран и населяющих их народов, скорее фантастические, чем реальные. Например, татарские земли помещены в Африке, что соответствует уделу среднего сына Ноева, Хама (л.26). Далее говорится: «Татарове же пошли от большого сына Ноева, Сима», которому досталась *Озия*, т.е. Азия (л.35).

Младшему сыну Ноя – Афефу – достанась *Европа*, простиравшаяся «до Мурманскаго, до студеного моря, иже есть называют Соловецкое великая пучина» (падежные окопчання даны по рукописи).

Наряду с достоверными сведениями, предназначенными для купцов (где какие товары покупать), описания некоторых земель носят сказочный характер. Например, о расположенном в *Озии*, в *Симове жребии*, «близ блаженного рая» острове Макарицком говорится: «оттуда занегают райския птицы, гамаюн и финиксь» (л.21) «Близ того же есть ин остров, . в нем же человецы дикия, власы и ногти у них лаовы» (л.21 об.). «Есть же близ того еще ин остров, в нем же человецы песьи главы» (л. 21 об).

Эта книга знаменует постепенный отход от мифологических представлений к научным, от традиционных канонов к знаниям, подкрепленным опытом.

Ономастическое пространство христианина дополнялось сведениями, почерпнутыми из житий святых – географическими определениями, отражающими названия мест их жизни и деятельности. Некоторые из них сохранились в неизменном виде до наших дней *Кирилл Александрийский, Андрей Критский, Мария Египетская, Захарий Римский, Герман Константинопольский, Мефодий Царегородский, Евстафий Антиохийский, Симеон Перский, Афанасий Афонский*. Иные в современных церковных календарях исправлены. Например, *Змирский* и *Змирский* заменены на *Смирнский*; *Ульяна* (род. пад. мужск.) *иже в Киликие* заменено на *Иулиана Аназаврского*.

Географические определения в составе имен святых давали не столько географическую, сколько культурно-историческую идентификацию, поскольку точная локализация этих городов и стран оставалась для русского человека не вполне ясной. Интересно, что многие из этих определений в XIX в. сделались основами фамилий семинаристов, сохранив ту вариативность, какую они имели в рукописных источниках. Ср. современные русские фамилии *Крицкий* и *Критский, Ерусалимский* и *Иерусалимский*.

Имена собственные в массе своей относятся к специальной лексике. В отличие от слов общей лексики, имеющих «общее употребление», слова специальной лексики недоступны непосвященным, а знакомство каждого человека со словами специальной лексики во многом зависит от места его жительства, профессии, сферы интересов, от степени владения своим и иностранными языками. К тому же, объем специальной лексики во много раз превышает объем общей лексики, и одному человеку знать весь состав специальной лексики физически невозможно.

Живущие в непосредственной близости друг от друга православные и католики располагают разным набором антропонимов, и даже если они знают, что *Тодоска* – это *Федосья* (по-церковному *Феодосия*), а *Текла* – *Фекла* (*Фекла*), воспринимают они такие формы имен по-разному.

Эксперименты на восприятие имен собственных вне контекста, проводившиеся мною в Москве, Санкт-Петербурге и Казахстане, показали, что так называемые прозрачные имена, образованные от апеллятивов своего языка (*Бор, Лужайка*), ассоциируются в первую очередь именно с этими нарицательными. Они же с затемнённой основой воспринимаются как имена собственные. При этом у жителей разных мест в их активный ономастикон попадают разные имена. Разным оказывается активный ономастикон даже у членов одной семьи, а также у небольших групп людей, совместно живущих или работающих. По-видимому, весь ономастикон данного языка известен лишь всему народу, а каждый живёт в своём небольшом ономастическом пространстве.

Личные интересы человека, его образовательный ценз во многом определяют и меняют его собственное ономастическое пространство. Например, в ономастикон лопмана, служащего на Балтийском море, входят названия многочисленных мелких объектов, не всегда известных береговым жителям, и в том числе казалось бы такое дезориентирующее название, как *отмель Лондонская* в Финском заливе. Название дано в память о корабле Балтийской эскадры Петра I «*Лондон*», потерпевшем там кораблекрушение в 1719 г. Таким образом, основа названия *лондон*, дающая первую ассоциацию со столицей Великобритании, была несколько раз переосмыслена прежде чем вошла в состав данного инсулонима.

Хотя собственные имена, подобно другим словам, входят в лексический состав языка и даже возможно их литературное нормирование (в некоторых ономастических словарях), в речи отдельных лиц, пользующихся данным языком, значительной части имен нет. Следовательно, их положение в языке иное по сравнению с именами нарицательными, относящимися к общей лексике.

Имена как слова делятся на разряды, классы, ряды; ономастизируемые предметы – на людей, животных, географические объекты и т.д. Но ни об одной части ономастического

пространства нельзя рассказать, исходя из одних только лингвистических фактов и не вводя слушающего в круг культурно-исторических реалий. Таким образом, помимо лингвистических, имена собственные обладают обязательными экстралингвистическими связями.

В каждой области онимической лексики (в антропонимии, топонимии, зоонимии и т.д.) выделяются **ономастические поля** – т.е. лексические пласты, объединенные определенной тематикой. Например, могут быть древнерусские имена, сменившие их прозвища и образованные от тех и других фамилии, связанные с полем «продукты пиягания», «одежда», «речь», ср.современные русские фамилии: *Борцов, Бубликов, Сметанин, Зипунов, Шубин, Кафтанов, Болтунов, Балаболкин, Заикин*. Онимы каждого поля согласованы друг с другом во времени и пространстве, а также структурно, благодаря чему складываются традиции сосуществования определенных типов в известных секторах.

Подобно тому, как окружающий нас мир едн в своем многообразии, ономастическое пространство для каждой территории также едино. Названия смежных областей и эпох незаметно переходят друг в друга.

Перебой преемственности и традиции происходит при резкой смене языковых и культурных ориентаций. Иной раз казалось бы незначительный сдвиг в сложившейся традиции присвоения географических названий может привести к лавинообразным изменениям. Архипелаг *Северная Земля*, расположенный к северу от полуострова Гаймыр, был открыт в 1913 г. и получил название *Тайвай* по именам двух ледокольных пароходов «*Таймыр*» и «*Вайгач*», на которых следовала экспедиция. В январе 1914 г. указом Николая II архипелаг был назван *Земля Императора Николая II*, по аналогии и одновременно по контрасту с тем, что открытый австрийцами в северной части Баренцева моря архипелаг был назван ими в честь своего императора *Земля Франца Иосифа*. После революции 1917 г. открытый в 1913 г. архипелаг называли *Земля Республики*, затем – *Земля Пахтусова, Земля Братьев Лантевых*, в 1924 г. – *Земля В.И.Ленина*, потом – *Северная Земля СССР*, и лишь постановлением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1926 г. архипелаг получил современное название *Северная Земля*. О первоначальном названии архипелага вспомнили только в конце

70-х гг. XX в., и самую западную бухту на острове Малый Таймыр назвали *Тайвай* (Каланов 1990, 54).

На этом фоне складывалась **концепция советского топонима** – совокупность представлений о том, каким должен быть топоним. Различительная, выделительная, адресная функции топонимов были забыты. Как следует из ходатайств о переименованиях 1920-х гг., исследованных С. А. Никитиным, новые советские топонимы в России должны были:

1. Даваться на русском языке;
2. Хорошо пониматься населением;
3. Нести моральную и политическую нагрузку;
4. Меняться, при отсутствии “логических корней” в современном языке.

Так ономастическое пространство заменилось на политическое пространство в ущерб географическим реалиям и представлениям. Топонимия стала средством идеологической борьбы и пропаганды. Массовые переименования изменили карту России и других государств (Никитин 2002).

Типология в ономастике существует независимо от исследователя, а классификацию привносит исследователь. **Тип** – это достаточно крупная категория, которая может быть представлена несколькими **моделями**. Возможно также понимание категории **тип** как логико-предметной, а **модель** – как языковой. Для ряда типов имен характерны свои индивидуальные модели. Так, например, для названий **предметов переменной локализации** (термин Л.М.Щетниина), т.е. пароходов, поездов, самолётов, часто используются географические названия или имена деятелей культуры: поезд «*Россия*», экспресс «*Шопен*», пароход «*Художник Поленов*», теплоход «*Алупка*», самолёт «*Мусоргский*». Для названий

предметов постоянной локализации – географических объектов – резко усилившееся в XX в. обращение к антропонимам (иной раз – именам малоизвестных людей) создаёт перебой традиции как в языковом, так и в чисто практическом отношении: топонимы перестают быть ориентирами.

Многие собственные имена слабо связаны с именами нарицательными своего языка и легко выделяются на фоне прочих словарных единиц, например, личные имена, сопутствующие мировым религиям. Если же исследователю удаётся вскрыть их историческое содержание, оказывается, что в нём отразились реалии и отношения иной эпохи и культуры, абсолютно не связанные с той культурой, которую обслуживают данные имена. Таковы, например, православные имена *Дий* из греч. *Диос* – родительный падеж имения *Зевс*; *Аристарх* из греч. *Аристархос*, *аристос* ‘лучший’ + *архо* ‘повелевать, руководить’ – эпитет *Зевса*; *Пантелеймон* из греч. *Пантелеэмон* – *пантелейя* ‘совершенство, завершение, высшая ступень’ – эпитет *Зевса*

Отметим имена с двойной (и, возможно, тройной) языковой принадлежностью. Таковы имена *Альфред*, *Альберт*, *Адольф*, *Рудольф*. Это типичные германские имена, исторически связанные с католицизмом. В русской литературе ими обычно зовутся иностранцы. Но в 20-е – 30-е гг. XX в. их часто давали русским детям, и они сочетались с русскими отчествами *Адольф Иванович*, *Альберт Павлович*. Такие имена едва ли входят в русский ономастикон (**антропонимикон**), но в ономастическое пространство России они вошли. Что же касается кличек собак типа *Джек*, *Джим*, *Джонни*, *Дженни*, образованных от иностранных имён, то они воспринимаются как нормальные русские **зоонимы**, несмотря на то, что ими иногда зовут людей. Имя писателя *Джек Лондон*, негра *Джим* воспринимаются в России как несвойственные, как связанные с другой страной и культурой.

Деление ономастического пространства на зоны и секторы важно как в теоретическом отношении – для лучшего понимания и изучения имён отдельных типов, – так и в практическом, поскольку имена разных объектов несут неодинаковую социальную и юридическую нагрузку, и, естественно, те секторы ономастического пространства, на которые приходится бо́льшая нагрузка, должны быть изучены более тщательно

Очень важно выделение и углублённое изучение антропонимов, поскольку они записаны в документах каждого человека и способствуют идентификации личности. Помимо официально принятых форм антропонимов (*Кирилл*), существуют многочисленные неофициальные, домашние формы (*Кира*, *Кирочка*, *Кирюся*, *Кирильчик*, *Кириша* и т.п.), а также формы, принятые в прошлом (*Курил*, *Курило*) и с трудом идентифицируемые сейчас.

Практическая важность изучения топонимов лежит в нескольких планах. Микротопонимы необходимы человеку, работающему в сельском хозяйстве, земледельцу и скотоводу. Социальную нагрузку топонимы получают в экономической географии как закрепляющие сведения о местонахождении полезных ископаемых, о размещении хозяйственных объектов. Их юридическая функция обнаруживается в документах о размежевании территорий отдельных владельцев, областей и даже стран. Велика их особая роль в навигации при проложении курсов кораблей, перечислении якорных стоянок, обозначении мест повышенной опасности.

Границы ономастического пространства для каждой страны и населяющего её народа определяются входящими в него типами ономастизируемых объектов – денотатов собственных имён. Состав и характер этих денотатов нестабилен. С течением времени он меняется за счёт включения в него не только отдельных имён, но и целых категорий ономастизируемых объектов. К самым типичным объектам, входящим в ономастическое пространство любого региона, относятся наиболее важные для человека вещи, именование которых только с помощью имени нарицательных недостаточно. Это – сами люди, окружающие их животные, места проживания тех и других. Остальные категории ономастизируемых объектов, дополняющие эти основные, могут варьировать в широком диапазоне в зависимости от характера культуры каждого народа и от особенностей эпохи.

Ономастическое пространство России XIX и XX вв. существенно отличается друг от друга в связи с почти полным уходом из реальной действительности таких явлений, как конный гужевой транспорт (соответственно уменьшилось число лошадей), народные игры, песни, танцы, с резким сокращением числа церквей и часовен (а в прошлом каждый храм, помимо своего собственного имени, давал названия прилегающим географическим объектам, собственные имена имели колокола, отдельные церковные приделы и т.д.). В XX в. получили широкое развитие автомобильный, воздушный, железнодорожный транспорт, радио, телевидение, компьютеры, международные спортивные состязания, вокально-инструментальные ансамбли и группы, многочисленные фирмы. Изменилась одежда, в которой ходят люди, пища, которую они едят, оружие, которым они сражаются. В нашу речь в массовом порядке специально вводятся товарные знаки для обозначения различных ненужных предметов, которые мы должны почему-то обязательно купить. Всё это привело к серьёзным перестройкам ономастического пространства.

Имена давно умерших людей, переставших существовать поселений, а также ушедших в прошлое ономастизируемых предметов заполняют глубину ономастического пространства, занимая в нём неравноценное положение. Так, имена людей со всемирной известностью (*Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон, Тимур, Батый*) актуальны и сегодня. Имена менее известных людей значимы лишь для того хронологического среза, когда те жили. Они известны преимущественно историкам. Названия необитаемых городов становятся археонимами, т.е. достоянием археологов и туристов.

Названия давно исчезнувших или гипотетических объектов могут быть очень похожими на названия объектов реальных. Лишь хорошее знание истории и географии позволяет различать названия таких реально существующих объектов, как *Антарктида, Таврида, Тасмания*, и таких гипотетических объектов, как *Атлантида, Пацифида, Берингия*. В последнем случае образы именуемых объектов, складывающиеся в общественном сознании языкового коллектива, становятся заместителями реально существующих денотатов.

Помимо реально существующих и гипотетических, могут быть также вымышленные объекты, созданные фантазией человека. В разные эпохи у разных народов были свои гномы, русалки, тролли, кентавры, которые могли иметь свои собственные имена, заполняющие ономастическое пространство предстителей определённой культуры. Эта нереальная онимия – имена людей, животных, разнообразных существ, растений, народов, светил, географических и космических объектов и различных предметов, никогда и нигде не существовавших, – не простое повторение реальной онимии в фантазии людей, не её зеркальное отражение, но построение иной ономастической системы, похожей, но не идентичной реально существующей.

Все онимы – названия реально существующих, гипотетических и фантазийных объектов – могут попасть в произведения художественной литературы, а также в тексты научных исследований. Включение имени в текст, с одной стороны, освобождает его от варьирования, которому оно подвержено в живой речи, с другой, – это как бы исключает данное имя из именника эпохи. Такое имя переживает свою эпоху, переходя на особое положение. В составе литературного произведения имя способствует формированию сюжета, раскрытию образов. В научном тексте оно становится достоянием историков, литературоведов и иных специалистов.

У многих народов в своё время отмечалось табуирование имён, например, запрещалось упоминать имена умерших на период траура или на более длительное время. Племя масау в Африке меняло имя умершего человека из боязни, что дух умершего, услышав своё истинное имя, может чем-нибудь навредить живым. На Земле Аделаиды, близ Австралии меняли имена живых, созвучные с именем недавно умершего. У эскимосов, которые занимались опасным морским промыслом, истинные имена мужчины до недавнего времени знали только некоторые самые близкие женщины (мать, сестра). После женитьбы

истинное имя мужчины по-секрету сообщалось его жене. В быту же мужчин звали обиходными именами. У корейцев не принято новорожденным давать имена, уже занятые кем-то. Стараются найти такое имя, которого ни у кого нет.

Табуированные имена, несмотря на то, что их никто не употребляет, всё же составляют часть ономастикона, которая незримо существует в языке. Зная «про себя» то, чего нельзя произносить вслух, люди избегают в своей речи запрещенных звуко сочетаний.

Вопрос об ономастическом пространстве и способах его изучения был предложен участникам Заочной ономастической конференции, проводившейся в 1981 г. Институтом языкознания РАН в Москве. Ответы оказались очень разными, свидетельствующими о том, что это новое и пока что недостаточно освоенное понятие само нуждается в дальнейшем изучении. Тем не менее, необходимость введения этого термина была осознана многими в связи с тем, что окружающие нас собственные имена вместе с именуемыми объектами удалены от каждого из нас на неравные расстояния. Так, топонимы вместе с именуемыми объектами «привязаны к месту», а их территориальное распределение составляет своеобразный топонимический контекст (термин Ю.А.Карпенко). Вместе с другими именами они составляют ономастический континуум (см. Суперанская 1985, 9 - 17).

Интересную характеристику ономастического пространства дала в ответах на вопросы предложенной анкеты З.Т.Франко. Она воспринимала ономастическое пространство каждого региона как наследие многих этапов существования ономастических систем в языках народов, населявших эти территории, как своеобразное наложение многих ономастических пластов.

По мнению З.Т.Франко, формирование ономастического пространства многоэтапно и разнородно генетически. Оно подчиняется законам последнего языка, функционирующего на данной территории. Прозрачность или непрозрачность имен собственных определяется их ономастическим возрастом, наличием или отсутствием у них корреляции с господствующими в данном регионе ономастическими моделями и апеллятивной лексикой.

Целостность ономастического пространства поддерживается как лингвистически, так и экстралингвистически – культурно-историческими реалиями. Ономастические системы внутри ономастического пространства взаимодействуют друг с другом, обеспечивая взаимный обмен наименованиями и их структурными компонентами.

С позиций языковых форм, - по мнению З.Т.Франко, - ономастическое пространство можно делить на литературное, диалектное, разговорное, а с позиций времени, - на устаревшее и современное. (Добавим, что можно также говорить об ономастическом пространстве какого-нибудь литературного произведения или серии произведений, связанных общей тематикой, как в романах Дж. Голсуорси или А.Грина). Для объектов, находящихся вне пределов земного шара, национальные названия тех же самых объектов соседствуют с интернациональными как дублетные.

По мнению В.Бланара (1996, 148), объём онимических систем измеряется в пространстве, во времени и в продуктивности (в частотности). Каждая онимическая система существует в определенном пространстве. Она связана с ареалами в топонимии, с социальными факторами в антропонимии и с экономическими - в хрматонимии.

Подводя итог всему сказанному, ещё раз подчеркнём, что ономастическое пространство – это комплекс собственных имён всех типов, употребляемых определённым народом в определённое время на определённой территории. Это своеобразный конструкт, вводимый исследователем для более тщательного описания отдельных ономастических систем. Оно отличается от более или менее однородного ономастикона данного языка или от ономастикона эпохи разнородностью входящих в него имен. В разных местах проживания одного и того же народа, говорящего на том же языке, с казало бы общим ономастиконам, ономастическое пространство заполняется иначе в зависимости от степени знакомства людей с именуемыми объектами. Для каждого человека фонд активно употребляемых им собственных имён свой, особый. Это объясняется некоторыми субъективными факторами.

его характером, общительностью или замкнутостью, местом работы, специальностью. Но объясняется это и объективными данными – особенностями окружающего его ономастического пространства.

Литература

1. Каланов В. Имя корабля на карте. – Морской флот. 1990, № 5, с.53 – 54.
2. Книга, глаголемая космография. сложена от древних философ, преведена с римскаго языка. Российская государственная библиотека. Фонд 310 (Ундольского), № 704.
3. Никитин С.А. «Архивный» метод исследования современной российской топонимии. – Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики - 2001. М., 2002, с.145 – 154.
4. Суперанская А.В. Географические представления по данным топоними «Космографии» XVII в. – Топонимика на службе географии. Серия «Вопросы географии». Сб.110. М., 1979, с 172 – 178.
5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985.
6. Суперанская А.В. Географические представления православных по данным рукописных источников XIV – XVII вв. – Деревня Центральной России: История и современность М., 1993, с. 49 – 50.
7. Топоров В.Н. О палийской тононастике. – Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969.
8. Vlanar V. Teoria Vlastneho mena. Bratislava 1996.
- 9 1996.
10. Superanskaja A.V. Der onomastische Raum. Onomastica Slavogermanica X. Wroclaw, 1976. S 77 – 82.

Ірина Фаріон (Львів)

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГІЧНОЇ ПРИРОДИ АНТРОПОНІМА

The ontological nature of antroponyms caused by the ontological treatment of language within the space of which the internal and external world of the man exists and which is created by this language. But an antroponym like a small box inserted into a big box of the ontological nature of language, has its original peculiarity and incomparable essence. The ontological nature of a name is reflected primarily in the act of nomination of the man, as the given name necessarily envisages the knot of socio-cultural traditions and motivations, which become a distinctive expression of the time. In such a way, the name as a condensation of mental and social processes becomes the escaping present hanging between the past and the future.

Антропонім не лише складова лексичної системи мови – це найстійкіший факт культури і найважливіша її засада, позаяк народження людини, як і самої реальності, – це її називання.

Культура антропонімного називання – це згущений вияв провідної тенденції розвитку суспільства. Це випнута проблема взаємозв'язку мови і культури, які нагадують космічні відношення між галактикою – мовою та планетами – різними формами культури (релігія і філософія, державний устрій, мистецтво, побут і звичаї тощо). Всі ці форми культури існують в охопі мови, і не лише як в оболонці, а як значною мірою власне нею зумовлені явища. Перефразовуючи М.Гайдеггера, визначимо МОВУ як дім, у якому господарює культура, себто, за дефініцією, це той рівень розвитку суспільства, який характеризується аластивими тільки певній добі і певному народові матеріальних та